

13. Balbi, G. Doing Media History in 2050 / G. Balbi // Westminster Papers in Communication and Culture. 2011. № 8 (2). P. 154 – 177.
14. Cohen, D.J. Digital History: A Guide to Gardening, Preserving, and Presenting the Past on the Web / D.J. Cohen, R. Rosenzweig – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. – 328 p.
15. De Groot, J. Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture / J. De Groot. – New York : Routledge, 2009. – 292 p.
16. Hasebrink, U. Kinder und Jugendliche im Web 2.0 – Befunde, Chancen und Risiken / U. Hasebrink, C. Lampert [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2011. – № 3. – Access mode: <https://www.bpb.de/apuz/33541/kinder-und-jugendliche-im-web-2-0-befunde-chancen-und-risiken> – Access date: 13.10.2021.
17. Hein, D. Virtuelles Erinnern / D. Hein [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2010. – № 25–26. – Access mode: <https://www.bpb.de/apuz/32669/virtuelles-erinnern> – Access date: 13.10.2021.
18. Hoskins, A. Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn / A. Hoskins // Parallax. – 2011. – № 17 (4). – P. 19–31.
19. Hoskins, A. New Memory: mediating history / A. Hoskins // Historical Journal of Film, Radio and Television. – 2001. – Vol. 21. – № 4. P. 333 – 346.
20. Jacobsen, B.N. Quantified Nostalgia: Social Media, Metrics, and Memory / B.N. Jacobsen, D. Beer [Electronic resource] // Social Media + Society. – 2021. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/349695167_Quantified_Nostalgia_Social_Media_Metrics_and_Memory – Access date: 13.10.2021.
22. Katz, E. Personal Influence: the Part Played by People in the Flow of Mass Communications / E. Katz, P.F. Lazarsfeld. – Routledge, 1955. – 508 p.
23. Korte, B. History Goes Pop. Zur Repräsentation von Geschichte in populären Medien und Genres / B. Korte, S. Paletschek. – Bielefeld : Kordula Röckenhaus, 2009. – 60 S.
24. On media memory: Collective memory in a new media age / ed. by A. Hoskins, J. Sutton. – London : Palgrave Macmillan, 2011. – 290 p.
25. Schmidt, J-H. Die Medienlogik der Informationsintermediäre und ihre Bedeutung für Meinungsbildung / J.-H. Schmidt [Electronic resource] // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2.05.2019. – Access mode: <https://www.bpb.de/gesellschaft/digitales/digitales-information/290575/die-medienlogik-der-informationsintermediaere-und-ihre-bedeutung-fuer-meinungsbildung> – Access date: 13.10.2021.

Давлятова Е.В.

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ»

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, индивидуальная память, история, идентичность.

Проблема интерпретации исторического прошлого является объектом пристального теоретического и практического внимания в наши дни. Связано это с новыми геополитическими, социально-экономическими и культурными реалиями нынешнего времени. Попытки исследователей переосмыслить и переписать историю, с учетом своих политических целей и интересов, привели к появлению новых направлений в области исторического знания, в частности, началось изучение феномена историческая

память, в рамках которого впервые было использовано такое понятие как коллективная память. Впервые об это высказался М. Хальбвакс в своей работе «Социальные рамки памяти» в 1925 году [1]. Большинство исследователей признают, что его следующая работа «Коллективная память» положила начало изучению коллективной и индивидуальной памяти за рубежом, хорошо известную как «memory studies» [2].

М. Хальбвакс рассматривал существование коллективной памяти как необходимое условие сохранения идентичности общества. Он утверждал, что существуют два вида памяти: внутренняя (индивидуальная), и внешняя (коллективная), которые могут взаимодействовать друг с другом, но не смешиваться [3]. Также он считал, что память, формируясь в неоднородном пространстве, может деформироваться и не совпадать с официальной историей.

В конце XX века наблюдается новая волна интереса к феномену «коллективная память». Здесь можно выделить таких исследователей как Я. Ассман, А. Ассман и П. Нора и др.

В культурно-историческом аспекте коллективную память рассматривал Я. Ассман, разделив ее на коммуникативную и культурную.

Под коммуникативной памятью он понимал, прежде всего, устную традицию в контексте повседневного межличностного взаимодействия. Культурную память он представлял «формализованной традицией, которая выходит за рамки опыта отдельных индивидов и групп и выражается в памятных датах, местах, церемониях, а также в письменных, изобразительных, монументальных памятниках» [4]. Я. Ассман первым использовал понятие культурная память, отделил коллективную память от исторической и личной.

Современные исследования коллективной памяти можно разделить на те, которые анализируют роль эмоциональных факторов в коллективной памяти, тех, кто считает, что прошлое реконструируется для того, чтобы поддерживать современные социальные ценности в обществе и изучающих травмирующие события прошлого, и как они приспособляются к доминирующим ценностям и убеждениям в современном обществе [5, с. 124].

К последнему направлению относятся работы Т. Адорно, который, изучая особенности коллективной памяти Германии в послевоенный период пришел к выводу, что в некоторых случаях имеет место факт коллективного самообмана, призывающий пересмотреть и переоценить прошлое, если это прошлое несет в себе чувство вины о содеянном. «От прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно и потому что если за вину и насилие всегда расплачиваться виной и насилием, то чувству страха не будет конца; и несправедливо, потому что прошлое, от которого хотят убежать, еще живо» [6].

Пьер Нора противопоставляет память и историю. Он считает, что «память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. История есть делегитимизация пережитого прошлого» [7, с. 20].

Среди российских исследователей, занимающихся проблемой коллективной памяти, следует назвать Т.П. Емельянову. Она дает следующую интерпретацию понятия: «коллективная память – это средство сохранения социально значимой информации, без которой невозможно существование общества в целом, социальных групп и отдельных индивидов, входящих в общество [8].

Э. Эриксон и Б. Мишталъ связывают коллективную память с индивидуальной и коллективной идентичностью. Б. Мишталъ также указывает на то, что индивидуальная память подпитывает коллективную память. Есть зарубежные авторы, рассматривающие коллективную память как инструмент политического манипулирования (Нейгер, Мейерс, Занберг, Хаус), некоторые исследователи рассматривают коллективную память как химеру, либо как проблему фальсификации истории. Р. Козеллек и Р. Бургер считают, что коллективной памяти не существует.

Таким образом, рассмотрев основные теории феномена коллективной памяти следует отметить, что, прежде всего, наиболее проблематичным представляется само по себе определение понятия «историческая – коллективная – культурная память», хотя уже сама демаркация границ этого термина представляет существенный исследовательский интерес. Попытки определения содержания данного понятия порождают вариации, лежащие уже в плоскости концептуального определения предмета истории памяти как таковой. Одни исследователи считают возможным говорить о феномене «коллективная память» и определяют ее как комплекс общепринятых в социуме представлений о прошлом, как совокупность рефлексий о событиях прошлого. Другие говорят о «культурной памяти» как установленной в обществе исторической традиции, стоящей над персональным измерением памяти отдельного человека. Третьи полагают, что понятие «коллективная память» сомнительно, и предлагают заменить его термином «социальные (коллективные) представления о прошлом». Четвертая группа исследователей предлагает говорить не об исторической памяти как таковой, а о «коллективном образе прошлого», включающем в себя как историческое сознание во всех его формах от мифов до автобиографии, так и историческое познание как целенаправленное осмысление прошлого.

Список литературы:

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 264 с.
2. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас, 2005. – № 2–3. – С. 8–27.
3. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас, 2005. – № 2–3. – С. 10.
4. Корнеева, А.Ю. Концептуальные основания анализа коллективной памяти в европейском дискурсе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/philosophy/konceptualnye-osnovaniya-analiza-kollektivnoj-pamyati-v-evropejskom-diskurse/>. – Дата доступа: 09.10.2021.

5. Емельянова, Т.П. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества / Т.П. Емельянова // Знание. Понимание. Умение – М.: изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. – № 2. – С. 123–129. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Emelianova_Misharina_Great-Patriotic-War-Representations/. – Дата доступа: 10.10.2021.

6. Адорно, Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html/>. – Дата доступа: 10.10.2021.

7. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17–50.

8. Емельянова, Т.П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания / Т.П. Емельянова // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – №4 (июль–август). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/. Дата доступа 12.10.2021.

Далимаева Е.О.
МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

Ключевые слова: историческая память, мемориальные законы, интерпретация истории, информационная война, постмодернизм, гражданское воспитание.

Россия и Беларусь хронически опаздывают. Когда в мае 1940 года немецкие войска обошли с севера глубоко эшелонированную линию Мажино, которая, по замыслу французских стратегов должна была надежно защитить Францию от нападения, и, не встречая сопротивления, двинулись в глубь французской территории, один из офицеров французского генерального штаба в сердцах сказал, что «Франция всегда готова к предыдущей войне» [5, с.112]. Сегодня, как не печально это осознавать, мы снова на «странной войне» – войне за собственное прошлое, а мы к ней не готовы. Историю, как известно, пишут победители. Эта максима тоже устарела. При взгляде на беспрецедентные фальсификации истории Второй Мировой войны возникают сомнения: а точно ли Советский Союз победил? Эпоха постмодернизма привела к возникновению представления о том, что каждое мнение важно, а истины не существует, или, по крайней мере, она у каждого своя. Мы считали себя победителями и освободителями Европы, но снова проигрываем в информационной войне, сражения которой хронологически рассеяны, но в основном вновь ведутся на полях Второй Мировой.

Отсутствие четкого представления и хороших ожиданий от будущего, кризисное и неопределенное настоящее приводят к «эмоциональному перенасыщению прошлого» [3, с. 32]. Отсюда – войны памяти, идущие во многих восточноевропейских странах (и между ними). Особенно ожесточенные мемориальные конфликты пришлось на начало XXI века. Общество пыталось выработать для себя ориентиры будущего, что неизбежно приводит к поиску опоры в прошлом, только вот понимание прошлого бы-